

УДК 94(430)(092)

С. В. Кретинин

Воронежский госуниверситет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛА ГЕОРГА БРУНСА

Карл Георг Брунс (1890–1931) був експертом з питань меншин, а також відомий своїми публікаціями з прав меншин / Міжнародне право 1920–1931. Особливу популярність він отримав за захист прав німецькомовного населення в Центральній та Східній Європі.

Ключові слова: історія Німеччини, історія Польщі, національне питання, захист прав національних меншин, Ліга Націй, зовнішня політика Веймарської республіки.

Карл Георг Брунс (1890–1931) был экспертом по вопросам меньшинств, а также известен своими публикациями по правам меньшинств / Международное право 1920–1931. Особую известность он получил за защиту прав немецкоговорящего населения в Центральной и Восточной Европе.

Ключевые слова: история Германии, история Польши, национальный вопрос, защита прав национальных меньшинств, Лига Наций, внешняя политика Веймарской республики.

Carl Georg Bruns (1890–1931) was an expert on minority issues, known by publications by the Minority Rights / International Law 1920–1931. Of particular notoriety he received for the protection of the rights of the German-speaking population in Central and Eastern Europe.

Keywords: History of Germany, History of Poland, the national question, the protection of minority rights, the League of Nations, Foreign Policy of the Weimar Republic.

Karl Georg Bruns (1890–1931) war Experte für Minderheitenfragen, bekannt durch seine Publikationen zu Minderheitenrecht / Völkerrecht 1920–31. Besonders bekannt wurde er durch sein Eintreten für die deutschsprachige Bevölkerung in Zentral- und Osteuropa.

Schlüsselbegriffe: Geschichte Deutschlands, Geschichte Polens, Nationalitätenfrage, Schutz der Rechte nationaler Minderheiten, Völkerbund, Außenpolitik der Weimarer Republik.

Среди известных германских политиков, общественных деятелей периода Веймарской республики особняком стоит фигура Карла Георга Брунса. Несмотря на то, что он был одной из ключевых фигур,

определявших политику Германии в вопросе «восточных территорий» и защиты немецких национальных меньшинств, до сих пор его жизнь и деятельность практически не привлекали серьезного внимания историков. В данной публикации делается одна из первых попыток осветить этот вопрос.

Карл Георг Брунс происходил из Гольштейна, из семьи потомственных германских интеллектуалов. Он был назван в честь своего деда, Карла Георга Брунса (1816–1880), известного берлинского знатока юриспруденции, чей сын, Иво Брунс (1853–1901), также изучал юриспруденцию и классическую философию, был профессором университета г. Киль [10]. В этом городе в 1880 г. и родился Карл Георг Брунс. О его жизни и деятельности до Первой мировой войны известно немного. Брунс получил хорошее образование, окончил юридический факультет Берлинского университета, был признанным правоведом.

В годы мировой войны Брунс работал в Восточнопрусском управлении по снабжению, а затем – в системе германской оккупационной администрации Бельгии. Еще до войны он проникся великогерманскими идеями, и, неслучайно, что после окончания войны, в 1919 г. добровольно прибыл в Познань, чтобы участвовать в борьбе с поляками [3].

Брунс принадлежал к числу активистов Ассоциации немцев за границей (Verein für das Deutschtum im Ausland), которая возникла еще в конце XIX в., а с 1922 г. имела свою штаб-квартиру в Вейме [5]. Он, как и многие представители германской консервативной интеллигенции, находился под влиянием остмаркистов, которые принимали активное участие в боях с поляками за «восточные территории». Например, идеолог остмаркизма Макс Бём занимал в 1918 г. высокий пост в Немецком народном Совете в Бромберге. Впоследствии он принял участие в кашповском путче, и даже рассматривался как потенциальный руководитель пресс-службы правительства мятежников [14]. Показательно, что на стороне Кашпа выступили многие фрайкоровцы, и в начале 1920-х гг. серьезно обсуждалась возможность создания при их помощи отдельного «Восточного государства» [38].

Через Бёма Брунс вошел в круг известного идеолога консервативной революции М. Ван ден Брука. Брунс имел хорошие связи во влиятельных кругах Германии и был одним из советников по немецкому национальному вопросу. Именно он оказал значительное воздей-

ствис на Густава Штресмана и был одним из идеологов новой восточной политики Веймарской Германии середины 1920-х гг. [36].

Брунс придерживался концепции великогерманского единства на базе федерализма. В 1926 г. в рукописи «Великогерманские проблемы» он писал: «Проблема всей германской истории ... состоит в том, чтобы найти верный путь между федерализмом и унитаризмом. Последний ни в коей мере не является немецкой формой государства» [15]. Брунс был сторонником аншлюса Австрии, но не насильственным путем, он видел это событие весьма отдаленным во времени, в той ситуации, когда окончательно сгладятся противоречия между объединенной под эгидой прусских Гогенцоллернов Германией и находившейся в рамках мультинациональной империи Габсбургов Австрии.

В центре общественно-политической деятельности Брунса был вопрос о правовых гарантиях прав национальных меньшинств, который он представлял в Немецкой лиге содействия Лиге Наций. Он считал, что данная проблема носит международно-правовой характер и должна стать особым направлением в работе Лиги Наций. При этом Брунс исходил из приоритетов международного права над национальными, доказывая на примере аграрного законодательства Польши, что внутренние законы часто носят дискриминационный характер, проверить который и должен международный суд [9].

Брунс призывал к ревизии Версальских договоров и доказывал, что они, в том числе и передача Польше германских «восточных территорий», были заключены в интересах держав-победительниц, но без учета мнений и реальной ситуации на местах. Он критиковал противников прав национальных меньшинств, подчеркивая их идентичность «правам народа». Брунс выступал за создание «всестороннего рамочного соглашения о правах национальных меньшинств», которое было бы признано всеми государствами [12]. Таким образом, он считал возможным разрешить ситуацию с немецким национальным меньшинством в Польше через международно-правовые институты.

Брунс разделял идеи решения немецкого национального вопроса посредством ревизии «версальских границ», аншлюса и создания «Средней Европы» (Mitteleuropa), к которой призывал известный германских политик Фридрих Науманн.

На близких Брунсу позициях стоял другой выходец с «восточных территорий» д-р *Харальд Лёуэн* (Lauen), который уважительно относился к полякам, подчеркивая, что они «любят свою страну не в силу территориальной закрытости и искусственности ... а за ее неза-

висимость». Германский автор полагал, что для поляков важен сам факт существования независимого государства, а его границы — вопрос вторичный [21].

Такие интеллектуалы, как Харальд Лёузи, Карл Георг Брунс, Адольф Айхлер, Альберт Брейер, Артур Роде были тесно связаны с общественно-политической, научной, культурной жизнью немцев в Польше. Они оказывали существенное влияние на внешнюю политику Веймарской республики, на международные организации, занимавшиеся проблемами меньшинств, были связаны с германскими фондами.

В конце 1910-х — начале 1920-х гг., когда еще не были окончательно ясны будущие границы Польши и Германии, деятельность германских организаций на восточных территориях сводилась к организационной и финансовой поддержке местных немцев, а также вынужденных переселенцев, беженцев. Для борьбы с поляками направлялись добровольцы, вступавшие в ряды фрайкоров. Характерной особенностью был тот факт, что эти организации возникали по частной (общественной) инициативе, но при этом пользовались поддержкой официальных властей. Особенно четко это можно констатировать на примере финансирования немецких организаций и объединений в Польше в 1920-е гг.

Важнейшими организациями, через которые осуществлялась финансовая и иная помощь немцам в Польше, были Ассоциация немцев за границей и Немецкий фонд (Deutsche Stiftung), который был создан в 1920 г. и финансировался за счет отчислений из фондов германских политических партий на поддержку немецкой культуры, образования в сопредельных странах Европы, особенно на восточных территориях [34].

Аналогичные инициативы по поддержке немецкого национального меньшинства в Польше и других странах исходили от таких частных организаций, как Немецкий фонд, Фонд Густава Адольфа, Центр свободных немецких объединений (1922). Через Германский МИД и Немецкий фонд была оказана в 1922 г. помощь немецким союзам в Познани и Поморье в размере 2 млн. 400 тыс. марок. Ответственным за эти акции с германской стороны был Брунс [32]. Деньги поступали в руки лидеров двух основных организаций немцев в Западной Польше: Гребе и Улицу, что определило их особое положение в общественно-политической жизни страны [33].

Официальное руководство Веймарской республики долгое время воздерживалось от переговоров с польским руководством по про-

блесмам восточных территорий, исходя из вполне понятных причин. Лишь в конце мая 1921 г. Германия предприняла первые попытки диалога с Польшей по вопросу культурной автономии для немцев в Польше [35]. В начале 1920-х гг. в Германии многие были уверены, что Польше не выжить без экономических связей с ней, и даже рассчитывали на крах польской экономики. Поэтому Брунс считал, что «три ключевых пункта германской политики» составляют вопросы о положении немцев в Польше, Данциге и Советской России [16]. Эти болевые точки он предлагал использовать для решения внешнеполитических задач, в том числе посредством Лиги Наций и других международных учреждений.

Первоначально такая тактика принесла успех. 15 мая 1922 г. были заключены Желевские соглашения о статусе Верхней Силезии сроком на 15 лет, установившие автономию для польской части этой области, а также гарантировавшие там соблюдение экономических интересов Германии и Польши. Особый, третий раздел, соглашений касался прав национальных меньшинств [22]. Впоследствии лидеры польских немцев часто апеллировали к этому документу, в частности, к статьям 75 и 83.

Помимо Желевских соглашений, дипломатии Веймарской республики удалось добиться автономии для Алаудских островов, решить проблему Мемеля (Клайпеды). Это внушило германскому руководству уверенность, что можно добиваться своих целей через международные институты и организации и в дальнейшем. Следующим важным шагом было рассмотрение вопроса о дискриминации немецкого национального меньшинства в Польше, где германская дипломатия рассчитывала на успех. Фактический ее представитель Брунс писал в апреле 1922 г. о хороших предпосылках для решения немецкого вопроса в Желеве [28], однако на деле все оказалось совсем не так, как ожидали в Берлине и Бромберге.

В мае 1922 г. в Желеве состоялось заседание Совета Лиги Наций, посвященное положению немцев в Польше. Вопрос изучала специальная комиссия из представителей Японии, Англии и других стран. В ее докладе польскому правительству было указано на необходимость соблюдать международные договоренности и предоставить немецкому населению страны условия для нормального существования и развития.

Польская сторона в ответ предоставила свой меморандум, в котором повторялись традиционные положения об исторических правах поляков на вновь приобретенные территории, о вековых притеснени-

ях поляков со стороны Германии, и о соблюдении Польшей международных договоренностей [25]. Никакого контроля со стороны Лиги Наций польская сторона допускать не собиралась, подчеркивая, что все петиции немцев (особенно в Верхней Силезии) в Лигу Наций носят антипольский характер и инициируются из Берлина [24]. Неслучайно, Брунс пессимистично констатировал из Женевы, что если и достигнут успех, «то очень незначительный» [29].

Таким образом, стало ясно, что решить проблему немецкого населения без должной организационной и информационной подготовки и поддержки со стороны других государств и международных организации не удастся. Действия отдельных энтузиастов, которым был Брунс, не могли привести к успеху без однозначной позиции официального Берлина. Но здесь как раз и возникало серьезное противоречие между конкретными внешнеполитическими задачами Германии и правящими политическими партиями.

До 1924 г. правящие партии (СДПГ, Центр, Немецкая демократическая партия) находили поддержку избирателей на западе и в центре Германии. Восток страны поддерживал оппозиционных националов или радикалов. Идси милитаризма и остмаркизма были по большей степени чужды демократическим правительствам Веймарской республики. Этим объясняется определенная пассивность Веймарской дипломатии по проблеме восточных территорий и немецких национальных меньшинств. К тому же этот вопрос неизбежно понимал и проблему ревизии версальских границ и ставил под угрозу Веймарскую политическую систему в целом. Это было нежелательно для молодых демократических партий страны. Они поддерживали идсю ревизии «кровоточащей границы» (*bluetenden Grenze*), по «оружием закона» (*Waffen des Rechts*) [1].

На отношение Веймарской республики к проблеме немцев в Польше в начале 1920-х гг. повлияло развитие связей с Советской Россией, которая после Рапальского договора 1922 г. стала важным торгово-экономическим партнером Германии, а Польша стала страной, через которую осуществлялся транзит. Это вело к смягчению отношений между Польшей и Германией, которая так же опасалась потерять польский рынок. Неслучайно в этот период было сделано несколько уступок с германской стороны: отмена экономического эмбарго, Венская конвенция 1924 г. о праве оптации. Однако изменения внешнеполитической линии Германии в отношении восточных территорий не наблюдалось.

В Берлине рассчитывали, что утерянные области удастся рано или поздно вернуть, в том числе путем «пассивного сопротивления» Версальскому диктату. Подтверждением тому стало, например, создание в июле 1922 г. новой германской провинции «Пограничная область Позен – Западная Пруссия». Однако серьезной и последовательной политики по отношению к немцам в Польше в первой половине 1920-х гг. германским руководством сформулировать не удалось.

«Польская карта» разыгрывалась в Германии, в частности, с лишением Сераковского германского гражданства, о котором много дискутировалось в 1926–1927 гг., в тот момент, когда произошла очередная волна лишения немцев польского подданства. Например, Брунс был уверен, что Сераковский будет лишен германского гражданства [11], однако этого не произошло.

Польское руководство также старалось использовать фактор польского национального меньшинства в Германии. В дискуссию по этому вопросу вступили защитники прав немецкого меньшинства, в первую очередь Брунс. Он критически оценивал польские данные о резком сокращении поляков в германской части Верхней Силезии (с 376 тыс. до 123 тыс.), доказывая также, что число немцев с двумя «материнскими» языками – немецким и польским – не может быть велико (Брунс критиковал также и германские данные о том, что численность таких «семей» выросла в Верхней Силезии с 51 тыс. до 373 тыс.) [18]. При этом он подчеркивал разницу в положении немцев в Польше и поляков в Германии. Последние, по убеждению Брунса, в значительной части «не ощущают себя поляками», хотя и говорят по-польски. Эти люди интегрировались в общественно-политическую жизнь Германии, осознают себя подданными этой страны [13].

В 1930 г., 7 лет спустя после запрета Немецкого союза Познани и Померании, в Польше начался судебный процесс над его лидерами. Гржеб в числе 10-ти немецких политиков был обвинен в незаконной и подрывной деятельности, в том числе – связях с Брунсом. Польские спецслужбы проделали большую работу по сбору доказательств и свидетельских показаний. Германскому МИДу стали известны списки вопросов, которые задавались свидетелям. Например, известны ли вам немецкие учителя, принимавшие участие в деятельности Немецкого союза? Выплачивало ли немецкое консульство в Торне польским чиновникам денежные вознаграждения? Была ли у Союза налажена курьерская служба? Поддерживал ли Союз в Берлине отношения с МИДом, Немецким Отбундом? Известно ли вам, что

Центральное бюро Союза в Берлине возглавлял Брунс? Одним из аргументов польских следователей было утверждение «Мы располагаем перепиской между Брунсом и Гребеле!» [30].

Ситуация изменилась только с середины 1920-х гг., когда германский МИД возглавил Густав Штресеман, и проблема положения немецких меньшинств стала одной из центральных для Веймарской Германии. Произошел отказ от «пассивного сопротивления» решениям держав Антанты, а внешняя политика страны была переориентирована в прагматическом духе с целью мирной ревизии положений Версальского договора, невыгодных Германии [2]. Налицо были две основные составляющие внешней политики Штресемана в польском вопросе: отказ гарантировать неизменность восточных границ (на Локарнской конференции 1925 г. Германия лишь обязалась не пытаться решить эту проблему силой), и организация международного давления на Польшу (в том числе и через институты Лиги Наций) под предлогом нарушения в Польше прав меньшинств (германское руководство выдвинуло идею международной защиты прав национальных меньшинств).

Перемены во внешней политике были во многом связаны с деятельностью Брунса, бывшего ближайшим советником и помощником Штресемана. В январе 1925 г. Штресеман в своем меморандуме, написанном при поддержке Брунса, сформулировал идею конструктивной политики по отношению к национальным меньшинствам. Вскоре после официального заявления Германии о вступлении в Лигу Наций, в октябре 1924 г. Штресеман разослал в германские посольства и представительства в тех странах, где было немецкое национальное меньшинство, циркулярное письмо с запросом относительно возможности культурной автономии для этих меньшинств [27]. Это был первый зондаж относительно готовности европейских держав к конструктивному диалогу по защите прав немецких национальных групп.

Германия вступила в Лигу Наций в 1926 г. и сразу же попыталась использовать институты и механизмы этого учреждения для давления на Польшу. Брунс писал в 1926 г. о том, что через Лигу Наций германскому руководству удалось решить ряд спорных с Польшей проблем, в частности, заключить в 1924 г. Венскую конвенцию. Он полагал, что вступление Германии в Лигу позволит продвигаться также в таких вопросах, как положение немецких сельских хозяйств в Польше, проблема гражданства немецкоязычного населения [17].

В 1926 г. Штресман успешно защищал интересы немцев Верхней Силезии, а в 1928 г. в Лугано имел сложную дискуссию с польским визави Августом Залесским о праве немцев на национальную школу. Штресман рассчитывал создать прецедент путем предоставления автономии немецким меньшинствам в Германии, но столкнулся с сопротивлением, например в Пруссии. В 1928 г. здесь был принят документ о защите прав национальных меньшинств, который был далек от демократических идеалов [36].

Важным событием для Веймарской республики явилось разбирательство 1927 г. в международном суде в Гааге по вопросам выбора национальности и гражданства. Представители Польши настаивали на том, что принадлежность к определенному национальному меньшинству должна определяться только волей самого гражданина. Вопрос стоял о праве немецких родителей в Польше отправлять своих детей именно в немецкие школы. Однако Гаагский суд принял компромиссное решение: перепроверить решение польской администрации нейтральной комиссией, созданной Советом Лиги Наций. Тем самым немцам фактически было отказано в праве самостоятельного выбора национально-языкового профиля учебных заведений для своих детей. В этом плане показательным пророческое замечание Брунса, который писал своим бромбергским друзьям из «Дойче Рундschau»: «Если мы хотя бы однажды позволим Гаагскому суду пачать против нас разбирательство по тем же делам и действиям, по которым суд уже принял решение не в пользу поляков, то мы будем играть на руку полякам» [20].

Не будет преувеличением сказать, что неудача в Гааге существенно подорвала основы политики в отношении меньшинств кабинета Штресмана. Стало ясно, что расчет на беспристрастность международных инстанций не оправдался. Тем не менее в январе – июне 1929 г. имела место массированная атака со стороны германского МИДа на Лигу Наций по поводу немецкого национального вопроса [6], и одним из главных инициаторов был именно Брунс.

Особо остро этот вопрос дебатировался в период политического кризиса 1930 г., когда немцы, особенно в Верхней Силезии, вновь оказались под серьезным давлением из Варшавы. Германское правительство обратилось в Лигу Наций с заявлением по этому поводу 27 ноября 1930 г. Документы, предоставляемые немцами, для того чтобы быть включенными в списки избирателей, часто признавались недействительными. Это касалось многих лиц уже служивших в польской армии и даже бывших депутатов! [39].

Депутаты рейхстага потребовали экстренного заседания Лиги Наций. На заседании было обращено внимание на нарушение статей Женевских соглашений (75 и 83). Был подготовлен специальный отчет Лиги Наций от 24 января 1931 г., в котором признавались нарушения [38]. Требования: вернуться к итогам выборов мая 1930 г., наказать виновных и вообще пересмотреть общественно-политическую систему в польской Верхней Силезии.

Тем самым Штресман, который был вынужден уйти из правительства в оппозицию, пытался оказать как можно большее пропагандистское воздействие на немецкие объединения за рубежом. В ходе дискуссий о положении национальных меньшинств со своими зарубежными коллегами Штресман пытался добиться качественных сдвигов по этому вопросу. Однако в итоге, на мадридском заседании в июне 1929 г. дело ограничилось компромиссным решением. Фактически Лига Наций устранилась от решения вопроса о правах меньшинств и об автономии. Однако Штресман получил де факто возможность действовать в этом вопросе самостоятельно, совместно с представителями меньшинств [31].

В качестве «инструмента» германской внешней политики был использован Европейский конгресс национальных меньшинств, основанный в 1925 г. по частной инициативе эстонского немца Эвальда Амменде (1892–1936) [4]. В резолюции первого конгресса (октябрь 1925 г.) подчеркивалось, что «национально-культурная свобода является таким же неотъемлемым правом культурного человечества, как и религиозная свобода» [23]. Из лидеров польских немцев в работе «немецкой группы» конгресса принимали участие Хасбах, Улиц, Науманн, Гребс, Кропиг, Папг, Пинш. Здесь же в качестве журналиста был и Брунс. На конгрессе были представлены и национальные меньшинства из самой Германии, консолидированные в «Объединение национальных меньшинств Германии». Сюда относились датчане из Шлезвига, литовцы, лужицкие сербы (сорбы), фризы, поляки. «Объединение» возглавил польский граф Станислав Сераковский, который поддерживал тесные связи с Амменде [26].

Более представительным стал второй конгресс, состоявшийся в Женеве 25–27 августа 1926 г. Брунс отмечал, что если первый конгресс рассматривал лишь вопрос культурной автономии для меньшинства, то на втором круг вопросов был значительно расширен, и речь шла о праве на гражданство, защите экономических интересов национальностей [19], что отвечало интересам польских немцев. При

этом польские представители от Германии не были согласны с постановкой вопроса о самоуправлении меньшинств [7].

Приоритетом в работе Женевского конгресса стали интересы немецких национальных групп Европы, что вызвало понятное недовольство прочих национальностей и привело к тому, что Третий конгресс (август 1927 г.) покинули представители поляков от Германии.

С 1927 г. германский МИД стал главным «спонсором» конгресса, основными темами которого стали положение немцев на «восточных территориях», возможность ревизии Версальского мирного договора и т.п. [8]. Постепенно конгресс из «органа пропаганды» Веймарской республики приобрел черты немецкого националистического форума: после 1933 г. с его трибуны были устранены представители еврейства, а затем ведущие роли перешли к Судето-немецкой партии Конрада Генлейна.

Таковым было основное содержание политики Веймарской республики в целом в отношении этнических немцев на восточных территориях, архитектором которой был Карл Георг Брунс. Такая политика привела к оживлению культурной и экономической жизни немцев в Польше, однако не содействовала их политической интеграции. Более того, немецкие объединения оказались в экономической и финансовой зависимости от Берлина, что негативно отразилось на их последующей истории, когда у власти оказались национал-социалисты.

Брунс был инициатором взятия курса на мирную и постепенную ревизию версальских границ, используя, как один из аргументов, фактор немецких меньшинств. Политика была ориентирована на международные институты и организации, начиная с Лиги Наций. После успеха в Локарно, германский МИД особенно активно использовал фактор национальных меньшинств для давления на своих восточноевропейских соседей. Однако после отставки и внезапной смерти Штресемана в 1929 г. его политика была постепенно свернута. Брунс ненадолго пережил своего друга и коллегу. Он умер в 1931 г., войдя в историю как один из германских политиков «теневого уровня», на несколько лет определивших внешнюю политику Германии.

Библиографические ссылки

1. За это ратовал социал-демократический политик Карл Зверинг. См.: Haubold-Stelle J. Mythos Oberschlesien. Der Kampf um die Erinnerung in

Deutschland und in Polen 1919–1956 2008. – Osnabrück: fibre Verlag, 2008. – S. 101.

2. *Петров И. А.* Вспепполитический курс Густава Штресмана 1923–1929 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Петров. – М., 2000.

3. Подробнее о событиях в Познани в конце 1918 г. – начале 1919 г. см.: *Barth В.* Die Freikorpskämpfe in Posen und Oberschlesien 1919–1921 // Die Deutschen und das östliche Europa. Aspekte einer vielfältigen Beziehungsgeschichte. Festschrift für Detlef Brandes zum 65. – Geburtstag. Essen, 2006.

4. Подробнее об Э. Амменде по защите прав национальных меньшинств см.: *Housden M.* Ewald Ammende and the organisation of national minorities in inter-war Europe. – Cambridge, 2000.

5. Предшественником Союза был созданный в 1880 г. в Вене Немецкий школьный союз, от которого в 1881 г. отделилась германская региональная организация, принявшая название Всеобщий немецкий школьный союз. В 1921 г. произошло объединение берлинской и веспской организаций. См.: *Weidenfeller G.* VDA. Verein für das Deutschtum im Ausland, Allgemeiner Deutscher Schulverein (1881–1918). – Bern, 1976. – S. 165–169.

6. С 1929 г. наблюдалась тенденция к росту петиций от немцев из Польши: в 1930 г. – 14, в 1931 г. – 63, в 1932 г. – 82 : *Kotowski A.* Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit. – S. 183.

7. *Auslandswarte.* – 1926. – Nr. 12. – S. 378.

8. *Bamberger-Stemann S.* Der Europäische Nationalitätenkongress 1925–1938. Nationale Minderheiten zwischen Lobbyistentum und Großmachtinteressen / *S. Bamberger-Stemann.* – Herder-Institut, Marburg, 2000.

9. *Bruns C.G.* Die nationalen Minderheiten in Europa als internationales Problem / *C.G. Bruns* // Völkerbund Fragen. Mitteilungen der Deutschen Liga für Völkerbund. – 1927. – Nr.4/5. – S. 68, 70–71.

10. *Bruns I.* Vorträge und Aufsätze (mit Biografie und Bibliografie) / *I. Bruns.* – München, 1905.

11. См. титульную статью в *Deutsche Rundschau in Polen.* – Bromber. – 29.04.1926.

12. *Ders.* Minderheitenrecht als Völkerrecht. – Breslau, 1928. – S. 47; См. также: *Ders.* Grundlagen und Entwicklung des internationalen Minderheitenrechts. Eine Uebersicht. – Berlin, 1929.

13. *Deutsche Rundschau in Polen.* – Bromber. – 16.05.1926.

14. *Deutsches biographisches Lexikon 1710–1960.* – Köln, 1970. – S. 83.

15. Die Dokumentensammlung des Herder-Instituts Marburg (DSHI). 100. Nachlass Carl Georg Bruns. – Nr. 8. – Bl. 20/7.

16. *Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst.* – 1921. – Nr. 4/5. – S. 109.

17. DSHI. 100. Nachlass Carl Georg Bruns. – Nr. 10. 8/10. «Deutsche Briefe». 17.08.1922.

18. DSHI. 100. Nachlass Carl Georg Bruns. – Nr. 8. – Bl. 15.

19. DSIII. 100. Nachlass Carl Georg Bruns. – Nr. 8. – Bl. 23/3.
20. DSIII. 100. Nachlass Carl Georg Bruns. – Nr. 8. – Bl. 7.
21. DSIII. 100. Nachlass Harald Lacucn. – Nr. 398. «Die Völker Polens» [1933].
22. Handbuch des Deutschtums in Polnisch-Oberschlesien. Eine Sammlung der im Abtretungsgebiete geltenden Grundgesetze für die nationale Minderheit. – Kattowitz, 1922. – S.1.
23. IISG. SAI. – Nr. 796/11. – I. Bd. – S. 79.
24. *Kotowski A.* Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939 / *A. Kotowski.* – Wiesbaden, 1998. – S. 180.
25. Lodzer Fcic Presse. – 25.06.1922.
26. *Michaelsen R.* Der Europäische Nationalitäten-Kongress 1925–1928 / Aufbau, Kriese und Konsolidierung / *R. Michaelsen.* – Frankfurt.a.M., Bern, NY, Nancy, 1984. – S. 87–89.
27. PA. Politik 8a. Deutsche Botschaft Rom. Runderlass Stresemanns vom 11.10.1924.
28. PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82190. Bl. 003.
29. PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82190. Bl.062.
30. PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82206. Bl.122–123. Гребне еще в начале 1920-х гг. предупреждал Хасбаха, что польские чиновники вполне «могут предъявить д-ру Брунесу обвинения в нарушении законов страны, и даже в шпионаже»: PA. VI Po. Politik 25- Polen. R 82186. Bl. 018. По польским законам Бруне был частным германским писателем и не мог писать, например, отчеты для немецких газет в Польше.
31. PA. VIa. Minderheiten. 8 Allgemeines. Bd.VI. Bl. 287.
32. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (PA). VI. Po. Politik 25–Polen. R 82191. Bl. 005.
33. *Possekel K.* Zur Rolle des «Vereins für das Deutschtums im Ausland (VDA) und der «Deutsche Stiftung» bei der finanziellen Unterstützung nationalistischer Organisationen in Polen (1919–1924) / *K. Possekel // Grenzrevision und Minderheitenfrage zwischen beiden Weltkriegen. Studien zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen.* – Rostock, 1982. – S. 4–9.
34. *Rosenkötter B.* Treuhandpolitik. Die «Haupttreuhandstelle Ost» und der Raub polnischer Vermögen 1939–1945 / *B. Rosenkötter.* – Essen, 2003.
35. *Schot B.* Nation oder Staat? Deutschland und der Minderheitenschutz. Zur Völkerbundpolitik der Stresemann-Ära / *B. Schot.* – Marburg, 1988. – S. 106–107.
36. *Schot B.* Stresemann, der Deutsche Osten und der Völkerbund / *B. Schot.* – Stuttgart, 1984.
37. *Schulze H.* Der Oststaat-Plan 1919 / *H. Schulze // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte.* – 1970. – S. 125.
38. BA. NS 43 / 30/ Fol.1 Bl. 100.
39. BA. NS 43 / 31/ Fol.1 Bl. 184.